

St.Petersbourg Centre for Oriental Studies

Центр "Петербургское Востоковедение"

聖彼得堡東方學中心

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

聖彼得堡東方學通報

St.Petersburg Journal
of Oriental Studies

выпуск 2

volume 2

Центр

"Петербургское Востоковедение"

и

Издательско-Коммерческая Фирма

"В о д о л е й"

Санкт-Петербург

1992

ВЕРШИНЫ ЙЕМЕНСКОЙ ПЛЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

(о книге С.Кэйтона "The Peaks of Yemen I summon")

О.И.Редькин

Санкт-Петербургский Государственный Университет

Вплоть до последнего времени устное народное творчество Юга Аравии оставалось своего рода "terra incognita" для европейских и американских исследователей. Если не считать книги Р.Сарджента¹, то довольно трудно отметить сколько-нибудь серьезное исследование, касающееся этой проблемы. Фундаментальный труд К.Ландберга², хотя и содержит значительный корпус текстов, но почти полностью игнорирует такую сферу устной коммуникации, как поэзия, которая так и не стала для автора предметом самостоятельного изучения. Сложилась парадоксальная ситуация, когда о доисламской, а тем более о средневековой поэзии известно больше, чем о существующих в настоящее время поэтических жанрах; можно с известной степенью уверенности судить о достоинствах муаллак и принципах построения поэм Имруулькайса, имея в то же время весьма смутное представление о касыде современного Йемена. Несмотря на сравнительно давнюю историю изучения этого региона, исследование образцов фольклора, главным образом, ограничивалось лишь цитированием отдельных фрагментов поэтических произведений без детального рассмотрения роли и места народных поэтов и народной поэзии в жизни современного йеменского общества.

Среди немногих исключений следует отметить публикации стихотворений Али ибн Заида и появившиеся сравнительно недавно работы М.А.Родионова³, а также труды арабских авторов.

Уже поэтому любая новая публикация, затрагивающая проблемы культуры и, в частности, фольклора, - событие. Появление же книги С.Кэйтона "The Peaks of Yemen I summon"⁴ - событие вдвойне, т.к. она в значительной степени восполняет пробел в этой области арабистики, и автор не ограничивается лишь синхронной констатацией поэтического фольклора племен, проживающих в районе Хаулан на севере Йемена. Напротив, он дает развернутую характеристику жанровой системы, структуры стиха, особенностей лексики и фонетики, а также поэтических образов с учетом всего того культурно-исторического контекста, благодаря которому до сегодняшнего дня в современном фольклоре не просто сохранились, но и получили свое дальнейшее развитие известные традиции древней и средневековой арабской поэзии, обслуживая практически все социальные сферы. Не только духовная жизнь общества находит свое отражение в фольклоре, но и поэтическое творчество в свою очередь влияет на общественный менталитет.

Как и в древности, поэзия в современном арабском обществе представляет собой весомый аргумент в решении межличностных и межплеменных конфликтов, а сам поэт выступает как полномочный представитель своего социума. С этой точки зрения интересен проводимый в первой главе книги компаративный анализ социальной роли поэта и поэтического творчества в традиционном обществе в сопоставлении с западной культурной традицией. При всей внешней схожести выявляются и принципиальные различия: если в западном сознании поэзия ассоциируется в качестве атрибутивного элемента, то, как показывает С.Кэйтон на примере племен, населяющих район Хаулан, здесь она являет собой

квинтэссенцию эмоциональных устремлений, общий вектор духовной жизни традиционного арабского общества.

Этот вывод важен уже и потому, что воспитанному на европейской литературной традиции западному читателю весьма трудно составить адекватное представление о роли фольклора и особенностях его функционирования на Юге Аравии, не говоря уже о коренных отличиях в самой структуре стиха, а также системе поэтических жанров.

Характеризуя язык поэзии (с.24-25), автор отмечает, что он, как и вся система поэтических образов, уходит глубокими корнями в мифологизированное творчество народа и неразрывно связан с устной доисламской традицией. Не остается без внимания и вопрос о взаимоотношениях источника поэтического акта и реципиента, поэта и аудитории. В этой связи интересно описание поэтических состязаний (с.66), где дается схематическое месторасположение поэта, гостей, хозяев дома, вводятся в обиход названия частей одежды, музыкальных инструментов (с.68), что может послужить основой для расширения и уточнения наших представлений о средневековых поэтических турнирах.

Рассматривая различные поэтические жанры и типы стиха, автор интерпретирует их не только как акты индивидуального поэтического творчества, но и как общественно значимые явления, что заставляет обращать его столь пристальное внимание на систему социальных связей внутри коллектива, в рамках которого действует поэт, в том числе стратовую структуру, роль шейхов, племенной организации, семейно-брачных отношений, традиционных ценностей габили, среди которых основными являются приверженность "исламу, умение стрелять из ружья, танцевать и слагать стихи". Описание же обычая решения споров на основе традиционного права - ^Сурф (с.13) можно сопоставить с институтом третейского судьи ^Садй в вадии Хадрамаут, впервые описанным участниками СОЙКЭ. Если "словесное искусство средневековых арабов, в первую очередь поэзия, носило... подчеркнуто светский характер"⁵, то деятельность современного поэта имеет универсальный характер и не ограничивается светской сферой, но может охватывать и область религии.

Одним из наиболее социально маркированных жанров выступает бала, как своеобразный способ моделирования социальных конфликтов. Это находит свое выражение в системе да^Сва в-иджаба - "тезис и антитезис", которой и подчинены все составляющие бала - рифма, размер, структура стиха, музыкальная мелодия, связь хора и поэта, изменение системы формул. Состязание по типу "тезис-антитезис", как показывает автор, может происходить не только между отдельными поэтами, но и иметь характер поэтического взаимодействия поэта и аудитории, на основе известного обеим сторонам текста. Особенно подробно рассматривается поэтическое состязание хозяина и гостя на самра (с.144), суть которого - взаимное восхваление достоинств. Фактически, бала - модель межличностных отношений внутри социума, порой весьма напряженных, но находящих свое выражение в рамках бала в достаточно мирной, ментальной форме, а не в виде прямых столкновений (с.122), позволяя тем самым избегать кровопролития, что достаточно убедительно показывает С.Кэйтон.

Если жанр бала допускает поэтический диалог двух и более поэтов, или поэта и аудитории, то традиционный замил монологичен и, скорее, является если не наследником касыды, то достаточно близким ей жанром. По мнению автора, замил имеет индивидуальный характер реализации, и выступающий не может

поменяться в ходе декламирования ролями с аудиторией. Другими словами, член хора не может принять роль поэта, хотя, наоборот, поэт вправе присоединиться к хору в процессе реализации стихов.

Отмечается и широкая сфера жизни социума, обслуживаемая замиллом, использование которого носит, как правило, окказиональный характер, кроме того, замилл может реализоваться и вне ситуационного контекста. Композиция замила традиционна и не подвержена значительным изменениям. Случай такого конкретного акта реализации замила, который в основных своих чертах совпадает с наблюдавшимся в Хадрамауте, приводится на с.131. Об устойчивости традиции замила свидетельствуют сохранившиеся практически без изменений в течение многих веков тексты, декламируемые на свадьбах, обручениях и катных церемониях. Вместе с тем, текст одного и того же замила может варьироваться, что, по-видимому, неизбежно для устного народного творчества.

Весьма интересен вывод автора о том, что количество поэтических формул замила составляет примерно 1/4 формул бала, другим отличием является линейная напряженность формул этих жанров: в бала формула значительно больше, чем в замиле, где она не превышает трех слов. Такого рода показатели могут служить формальным критерием разграничения указанных жанров. Впервые собраны также 12 основных мелодий, сопровождающих замилл, что также не имеет аналогов в арабистической литературе.

Не остается без внимания и касыда, как один из основных и наиболее древних поэтических жанров. Подробному анализу подвергается композиция касыды (вступление, упоминание Бога, основная тема, приветствие, заключение), а также система поэтических образов и метафор, что иллюстрируется многочисленными примерами из оригинальных текстов (с.174). Завершает анализ рассмотрение традиционных поэтических формул, рефренов и метафор, не остается без внимания и звуковой символизм (с.201).

Приведенный материал и его глубокая авторская проработка позволяют понять место касыды в современной системе поэтических жанров, а также дают возможность провести определенные параллели с классическим периодом. Вместе с тем, тематика современной касыды может значительно отличаться от традиционной. Панегирики в адрес своего племени и его вождей, самовосхваление не носят столь ярко выраженный характер, поношение личных противников и враждебного племени сменяет перечень конкретных требований и политических оценок реальных исторических событий, а описание верхового животного и анакреонтический сюжет уступает место изложению философских и экономических проблем. Если в древней Аравии поэзия "некоторым образом заменяла прессу"⁶, то сегодня в известной степени происходит их слияние, при этом предпочтение отдается не просто обнародованному, но опубликованному стихотворению. По словам С.Кэйтона, "выражение политических взглядов в касыдах вполне естественно. Опубликованная поэма является обычной практикой коммуникации, благодаря чему может быть услышан голос племени" (с.248). Сфера функционирования касыды по-прежнему остается достаточно широкой, занимая даже те области, которые ранее были ей несвойственны.

Следует отметить, что весьма полезным представляется раздел, посвященный анализу арабской фонологии и метрике стиха, иерархических взаимоотношений его составляющих. Как показывает С.Кэйтон, встречаются два основных типа рифм: 1) повторяющая фонологические сегменты и 2)

повторяющая только ритмическую структуру предыдущего бейта. И с этим нельзя не согласиться, тем более, что свои положения автор иллюстрирует схемами чередования долгих и кратких слогов в стихе, а имеющиеся в приложении образцы поэзии, некоторые из которых снабжены маркировкой ритмико-слоговой структуры, могут послужить объектом самостоятельного литературоведческого и лингвистического анализа и лишней раз свидетельствуют как о глубоком знании автором излагаемого материала, так и дают представление о значительном объеме проделанной работы.

Стремлением передать все особенности реализации стиха объясняется и использование в качестве иллюстративного материала нотной записи бала (с.81). В дальнейшем представляется необходимым расширение данного раздела, особенно той его части, где в качестве примеров приводится транскрипционный принцип записи текстов.

Несмотря на то, что характеристика фонологической системы диалекта района Хаулан не является его основной задачей, автор приводит таблицы инвентаря согласных и гласных фонем, отмечает возможность опущения начальных слогов типа 'а, 'i, 'u и указывает на существование шести возможных типов слогов. Однако не вполне можно согласиться с тем, что "ударение зависит от слоговой структуры слова" и в зависимости от этого занимает свое место в его линейной протяженности (с.273), что было бы справедливо относительно литературного арабского языка. Более реальной представляется ситуация, при которой ударение в разговорном языке Йемена носит полусвязанный характер и может выступать в роли суперсегментной морфемы. Кроме того, не следует упускать из внимания и возможность подвижности ударения в зависимости от размера стиха. Что касается затрагиваемой проблемы символизма звуков, например, альтернации фонем $\text{T}-\text{R}$ (с.141), то это может дать ключ к пониманию особенностей эмоционального восприятия аудиторией реализуемого поэтического материала.

Невозможно в равной степени отразить весь объем представленного в настоящей работе материала. Решить эту задачу может лишь близкое знакомство с ней, что весьма полезно не только для специалистов, изучающих фольклор и историю Йемена, но и для всех, кто интересуется арабской поэзией и культурой вообще. Благодаря снабженному транскрипцией корпусу поэтических текстов книга дает обильную пищу для размышлений лингвистов и становится одним из основных источников по йеменскому диалекту, что ставит ее в один ряд с уже упоминавшимися работами К.Ландберга и Р.Сарджента.

Примечания

1. Serjeant R.V. South Arabian poetry, 1: Prose and poetry from Hadramawt. London, 1951.

2. Landberg C. Etudes sur les dialectes de l'Arabic méridionale, 3 vols. Leiden 1901-1913. Landberg C. Glossaire datinois, 3 vols. Leiden 1920-1942.

3. Али ибн Заид. Стихи. Подгот.изд.А.Агарышева и А.Санчеса. М., Наука, ГРВЛ, 1968; Родионов М.А. Поэтическое слово. Материалы из западного Хадрамаута. В кн.: Проблемы арабской культуры. Памяти академика И.Ю.Крачковского. М., Наука, ГРВЛ, 1987, с.82-96; Он же. Три поэта из Хадрамаута (в печати); Он же. Поэт в системе властных отношений: материалы из Хадрамаута (в печати).

4. Caton S.C "The Peaks of Yemen I summon", Poetry as cultural practice in a North Yemeni Tribe. University of California Press, Oxford, 1990.

5. Фильштинский И.М. Арабская литература в средние века. М., Наука, ГРВЛ, 1977, с.11.

6. Розен В.Р. Древнеарабская поэзия и ее критика. СПб., 1872, с.6.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ БУДДИЗМ: ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ПСИХОЛОГИЯ"

Конференция "Дальневосточный буддизм: История, философия, психология", посвященная 50-летней годовщине со дня смерти академика Ф.И.Щербатского, была организована и проведена 3-5 июня 1992 г. Центром по изучению философии и психологии Дальневосточного буддизма Махаяны Философско-политической школы при Санкт-Петербургском Государственном Университете.

Центр был создан в феврале 1992 г. для осуществления буддологического образования и проведения исследовательских работ в области истории, философии и психологии буддийских школ и направлений дальневосточного региона (Китай, Корея, Япония, Вьетнам). В настоящее время сотрудниками Центра разработана двухгодичная программа обучения студентов, которая начнет осуществляться с октября 1992 г. В программе: преподавание китайского литературного языка вэньянь, современного китайского и японского языков, начальный курс санскрита, история буддийской философии, история буддийских школ и направлений Дальнего Востока и другие дисциплины.

Центр также планирует реализацию ряда буддологических программ, проведение научных конференций и симпозиумов с участием буддийских ученых стран Востока. Проведенная 3-5 июня конференция является первой из предполагаемых симпозиумов.

На конференции присутствовали зарубежные гости: буддийские монахи достопочтенные г-н.Тэрасава (Япония), г-н Бун Ек (Республика Корея), представитель гамбургского буддийского центра г-жа Вибке Йенсон.

Основная проблема, обсуждавшаяся на конференции - единство буддийской традиции. Ей были посвящены доклады В.И.Рудого (СПб ФИВ РАН) "Буддизм: Одна колесница или три?" и А.Н.Пубанца (СПб Объединение буддистов) "Термины "высшее" и "низшее" в приложении к буддийской практике и единств. Пути".

Значительное внимание было уделено вопросу о принципах перевода буддийской терминологии на русский язык, особенно в связи с развитием буддийского движения, а также буддийского и буддологического образования в России. А.А.Терентьев (Издательство "Нартанг") в своем докладе "Срединный язык преподавания Дхармы" предложил даже нормативный перевод значительного количества наиболее важных буддийских понятий. Этот подход был подвергнут сомнению в докладе Е.П.Островской (СПб ФИВ РАН), указавшей на важность взаимодействия ученых-буддологов и носителей традиций в плане переводческо-преподавательской деятельности. И.С.Гуревич (СПб ФИВ РАН) в своем докладе